

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

ПЛАВУЧИЙ МОСТ.
ЖУРНАЛ ПОЭЗИИ.
№4/2018

Коллектив авторов

**Плавучий мост. Журнал
поэзии. №4/2018**

«Летний сад»

2018

Коллектив авторов

Плавучий мост. Журнал поэзии. №4/2018 / Коллектив авторов —
«Летний сад», 2018

Журнал поэзии «Плавучий мост» является некоммерческим изданием, выпускается на личные средства его создателей, при содействии и участии издательств «Летний сад» (Москва, Россия) и «Waldemar Weber Verlag» (Аугсбург, Германия). Периодичность издания – один раз в квартал.

© Коллектив авторов, 2018

© Летний сад, 2018

Содержание

Поэзия и время	8
Без лишнего пафоса	8
берега	10
Замедленное кино	10
«Примета времени – молчанье...»	10
2 отрывка из поэмы «Тридцать седьмой трамвай»	11
«Подумай о людях нежнее...»	12
Воскресение	13
«Стоит березонька во ржи...»	13
«И море в странном освещенье...»	14
«О как я был с тобою близок...»	14
«Мы россияне, так рассеянны...»	15
Вчерашний день	15
«Мы опять говорим не о том...»	16
Крит. Пещера Зевса	16
«Где горы, горы и горы...»	17
Фото	18
«Мы мчим на такси...»	19
Время	19
Сон	20
Замедленное кино	21
Стихотворения	24
Чтение	24
«В бездождливый день про муки Себастьяна...»	25
Репортаж из роддома	25
«Всё кончено. И бог молекулярен...»	26
Сад	27
Осень памяти отца	28
«Допустим, ты только что умер в прихожей...»	28
«Можно сказать: ты стоишь у окна...»	29
«Кошка с длинными ресницами...»	30
Вдовцы	31
«Вчера я подумал немного...»	32
«Смотрел TV...»	32
Бродский в Норенской	34
Книги, которые я написал	35
дельта	38
Стихотворения	38
Стихотворения	42
«Серпантинная дорога...»	42
Солнечное сплетение	42
Возьми меня в ученики	43
Колесо фортуны	43
«Хоть большего мне и не надо...»	44
В чистом поле	44
«Ну, и какой тебе надобно воли?...»	45

Выселки	45
Картина	45
«Гроза гуляла по окраинам...»	46
«Придется завести собаку...»	46
«Куда же ты, радость моя, подевалась?...»	47
Пятый элемент	47
«Когда Он дары раздавал, мне хватило всего...»	48
«Ах, не этих скарредных кукушек...»	48
«Зачатый на лоне природы...»	48
«Не надо забегать вперед...»	49
Стихотворения	50
Родина	50
Тишина	50
«...эта женщина!..»	51
Золотой век	52
«И там, где утро, будет вечер...»	52
Городской сумасшедший	53
136-му	54
EXCURSUS	55
Рождественский этюд	57
В сердце эха	59
«вздохнул ли кто-то ни о чём...»	59
«Разметённому пухом по руслам ветра...»	59
«встанем накрест карнавалу...»	59
«обменял – не продал...»	60
«три на а июль чужая дача...»	60
«школьными расклёванное мелками...»	61
«...а погоду к июлю...»	61
«Ливни над колыбелью...»	61
«лбом и ладонями...»	62
«Что-то движется ходко...»	62
«шум в сердце...»	62
«Эхо выдоха...»	63
«не наш, а тоже думает: а ну...»	63
«поиск мест без адреса...»	63
«Царь, к лицу поднёсший мышь...»	64
«Только предыстория – не потеря...»	64
«хранимый вывих...»	64
На гулких торжищах земных...	66
«В овечьей одежке, в заморской дублёрке...»	67
«Сыграй мне, скрипач ненаглядный...»	67
«Уйдут последние свидетели...»	68
Девяностые	68
В августе – февральская погода	69
В Лазареву субботу	70
Музей	70
«Жену поэта хоронили пышно...»	71
За что?	72
«Она стояла на седьмом этаже...»	73

Облепиха	74
«Дует ветер форштадский...»	74
«Я – птица Феникс...»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Плавучий мост. Журнал поэзии. № 4/2018

Waldemar Weber Verlag, Augsburg

Журнал поэзии «Плавучий мост» является некоммерческим изданием, выпускается на личные средства его создателей, при содействии и участии издательств «Летний сад» (Москва, Россия) и «Waldemar Weber Verlag» (Аугсбург, Германия).

Периодичность издания – один раз в квартал.

Редакторы журнала:

Виталий Штемпель, руководитель проекта (Германия), Вальдемар Вебер, издатель (Германия), Сергей Ивкин (Россия), Надежда Кондакова (Россия), Вячеслав Куприянов (Россия), Вадим Месяц (США, Россия), Дмитрий Мурзин, Тим Собакин (Россия), Андрей Тавров (Россия), Александр Шмидт (Германия)

Сайт журнала:

www.plavmost.org

Адрес редакции:

Германия

Vitali Stempel

Geisaer Str. 3, 36039 Fulda

Tel. (+49) 661 209 111 3

E-mail: vs@plavmost.org

Адрес издательства:

Waldemar Weber Verlag,

Nordendorfer Weg 20

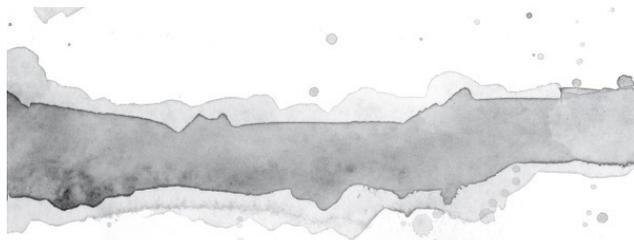
D-86154 Augsburg

© Редакция журнала «Плавучий мост», 2018

© Waldemar Weber Verlag, Аугсбург, 2018

© Авторы публикаций, 2018

Поэзия и время

Без лишнего пафоса Вальдемар Вебер

Пять лет для современного литературного журнала – солидный возраст. В наше время, когда поклонников Гутенберга пугают скорым окончательным низвержением их кумира, основывать традиционный «толстый» журнал, ставящий себе к тому же определенные литературные цели, – беспрецедентная дерзость.

Побудила создателей журнала на подобную смелость их убежденность в том, что эпоха «живой» книги еще далеко не завершилась, что длиться ей еще долго, хотелось бы сказать – «бесконечно долго», но в мире нет ничего не ограниченного во времени. Да и сама временная протяженность – понятие относительное. Многие конкурентные явления существовали в мире культуры в течение многих эпох параллельно, хотя и далеко не синхронно, то вырываясь вперед, то отставая, особенно, когда эти явления полностью отдавались во власть технического прогрессу, теряли связь с изначальной сущностью искусства. Новые способы распространения и тиражирования результатов человеческого творчества не отменяют и способов испытанных, наоборот, благоприятствуют их новой функциональности. К изобретению Гутенберга человечество шло тысячелетия.

То, что происходит сейчас в области книгопроизводства можно сравнить с современной ситуацией в автомобилестроении. Двигатель внутреннего сгорания не исчезнет с развитием электроавтомобилей, скорее всего он будет успешно сосуществовать с любыми фантастическими открытиями в этой области, даже с предположительными источниками энергии с других планет. Давая название новому журналу, его создатели исходили прежде всего из поставленных перед ним задач.

Что такое «плавучий мост» в прямом значении этого понятия? Это мост с плавучими опорами-понтонными, наплавной мост для временных переправ после аварии, при ликвидации последствий разного рода стихий, или просто там, где нецелесообразно строить каменные и бетонные переправы. Преимущество понтонных мостов по сравнению с другими – их оперативность. И это не придумка XX-го века. Еще в Древнем Вавилоне функционировал плавучий мост через Ефрат. В пятом веке до н. э. персы использовали плавучие мосты для переправы войск через реки. В древнем Китае плавучий мост «Алой птицы» вел к главным воротам тогдашней столицы Цзянькану.

У любого моста главная функция – связывать, соединять, приближать. Ни у одной литературы мира нет сегодня такой территориальной рассеянности, как у литературы русской. «Исход» русского населения, а с ним большей части русской литературы продолжался весь двадцатый век. Россию покинуло огромное количество образованных людей. В 20-е годы из России ушло около двух миллионов людей, опасавшихся физического уничтожения, ими, как и эмигрантами огромной второй волны эмиграции в 40-е годы двигал вполне понятный инстинкт

самосохранения. В начале 90-х в постсоветских республиках русские в одночасье превратились в иностранцев. В это же время сотни тысяч россиян после отмены выездной визы переселились на территорию США, Канады и почти всех стран Европы. Постепенно и те, и другие образовали культурные русские диаспоры.

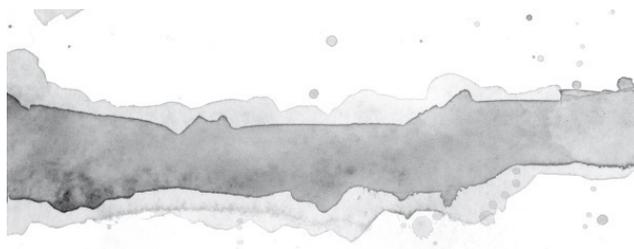
Появление еще одного журнала за пределами России неизбежно порождает ассоциацию с так называемой литературой русского зарубежья. К его представителям принято применять понятие «эмигрант». Так сложилось, что понятие эмиграции в российском трагическом контексте неразрывно связано с чем-то вынужденным, совершенным под чужим давлением или результатом насильственного выселения, депортации, политических репрессий.

Однако вряд ли можно в этом смысле назвать эмигрантами покинувших свою страну добровольно, в основном из-за жизненных неурядиц и обстоятельств или в стремлении решения личных проблем. А таких «эмигрантов» в русскоязычной среде вне России абсолютное большинство. Поэтому издатели журнала «Плавучий мост» избегают по возможности понятий «эмигрант» и «чужбина». Ибо пишущий по-русски сделал выбор. Он принадлежит стране русской поэзии. Он продолжает в ней жить, он не эмигрировал. Издателям «Плавучего моста» хотелось бы стать в этой стране одним из связных и делать это без чуждого этому роду занятий пафоса. И еще на одно качество плавучих мостов хотелось бы обратить внимание. Такие мосты используются не только при больших переправах, но чаще всего на небольших реках со спокойным течением. Порой они – единственный путь в цивилизацию, особенно там, где нет дорог, но, например, речка, одна соединяющая эту местность с внешним миром. Самый древний и самый простой способ преодолеть это бездорожье – Плавучий мост.

Примечание:

Вальдемар Вениаминович Вебер – поэт, прозаик, переводчик. Издатель и один из редакторов журнала «Плавучий мост». Живёт в Аугсбурге.

берега

Замедленное кино Александр Тимофеевский

Александр Павлович Тимофеевский – поэт, драматург, сценарист. Родился в 1933 г. в Москве. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Первые публикации стихов – в конце пятидесятых годов в рукописном диссидентском поэтическом сборнике «Синтаксис». Из-за усложнившихся отношений с КГБ после окончания ВГИКа был вынужден уехать в Душанбе (1959). Все последующие годы поэт писал «в стол», служил редактором на киностудии «Таджикфильм», киностудии «Союзмультфильм», студии «Мульттелефильм» ТО «Экран». Отдушиной для творчества стала мультипликация. При его участии в качестве редактора, сценариста, автора текстов песен (А. Тимофеевский автор слов популярной «Песенки крокодила Гены» из мультфильма «Чебурашка») выпущено около 100 мультипликационных фильмов, многие из которых были отмечены на всесоюзных и международных кинофестивалях. Как поэт начал печататься только с конца восьмидесятых годов – в журналах «Юность», «Согласие», «Сельская молодежь», «Стрелец», «Континент», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Время и мы», «Встречи», в антологиях и альманахах «Самиздат века», «Кольцо А», «Мир Паустовского» и других изданиях. В настоящее время проживает в городе Москве, является Членом Академии кинематографических искусств «Ника». Член АСИФА, Союза писателей Москвы. Лауреат поэтических премий журнала «Дружба народов», литературной премии Союза писателей Москвы «Венец», присужденной «За пронзительность лирических откровений и независимую позицию в литературе». В 2007 году книга «Письма в Париж о сущности любви» попала в число книг лауреатов премии «Московский счет».

«Примета времени – молчанье...»

Примета времени – молчанье,
Могучих рек земли мельчанье,
Ночей кромешных пустота
И дел сердечных простота.
Как обесценены слова...
Когда-то громкие звучанья
Не выдержали развенчанья.
Примета времени – молчанье.
Примета времени – молчанье.
Предпраздничная кутерьма...
Ноябрьский ветер, злой и хлесткий,
Бесчинствует на перекрестке.

Стоят такси, оцепенев,
И не мигают светофоры,
По главной улице в стране
Проходят бронетранспортеры.
Проходят танки по Москве,
И только стекло дребезжанье.
Прохожий ежится в тоске.
Примета времени – молчанье.
Мысль бьется рыбою об лед,
И впрямь, и вкривь, в обход, в облет.
И что ж – живой воды журчанье
Сковало льдом повсюду сплошь.
Мысль изреченная есть ложь.
Примета времени – молчанье.
1960 г.

2 отрывка из поэмы «Тридцать седьмой трамвай»

1. «Снесенные дома...»
Снесенные дома
Умершего Арбата,
Спасенные тома
И вирши самиздата.
Колодцы пустоты,
Расколотые арки
И нашей нищеты
Бесценные подарки.
Та оттепель и пляс
Под звуки той капли,
И дом, где в первый раз
Мы Галича запели.
И кухонь тех восьми —
метровая свобода,
Тот воздух, черт возьми,
И даже непогода.
Да вот и сам я, вот...
Вон, у того портала —
Одно плечо вперед,
Другое чуть отстало...

2. Каштанка
И тот окликает Каштанку,
Чья ласка была столь крута,
Кто вывернуть мог наизнанку,
Чтоб выдрать кусок изо рта.
И мигом Каштанка забыла,
Что было теплом и добром,

И то, что вчера веселило,
Сегодня ей кажется сном.
Хозяин пустое бормочет,
И падает крупный снежок,
И ноздри Каштанки щекочет
Знакомый сивушный душок.
Фонариков свету косые
Не могут пробить снегопад.
Каштанка, Каштанка, Россия,
Зачем ты вернулась назад?

2005

«Подумай о людях нежнее...»

Подумай о людях нежнее,
Коснись сокровенных их снов.
Пристрастие сердца важнее
Случайных поступков и слов.

Над жизнью и смертью, над спором
Неправды и правды, как нож —
Пристрастие сердца, с которым
Рождаешься ты и умрешь.

В погоне за призраком ложным,
Где Парки колеблется нить,
Так просто забыть о нем можно,
Но можно ль ему изменить?

Мы судим легко об Иуде,
Что совесть его нечиста,
Что злым и завистливым людям
Он продал Иисуса Христа.

Любил ли он истинно Бога?
Когда не любил – не беда.
Когда не любил – то не продал,
А если любил, что тогда?..

Мы требуем меры за меру
И кровь вырываем из вен,
А можно ль судить за измену,
Когда не бывает измен...

1975

Воскресение

Смотрел я на восход малиновый
И голову назад закидывал,
Такого сине-сине-синего
Еще никто из вас не видывал.
Идет толпа многомиллионная,
Идут себе и не толкаются,
И все до одного влюбленные,
И все друг другу улыбаются.
От встречного не надо пятиться,
Раз настроение весеннее.
Я говорю – сегодня пятница?
Мне отвечают – воскресенье!

И вдруг я вижу, что у дверочки,
Ведущего в неясность входа
Стоят мои друзья и девочки
Из пятьдесят восьмого года.
Стоит Борис и Танька с Дашею,
С кем целовались мы и пили,
От времени не пострадавшие,
Такие в точности, как были.
Они смеются, корчат рожицы
И делают глазами знаки.
Башка в жару, и мне неможется,
Я думаю, все бред и враки,
Но что-то мне сказать торопятся
Сюда пришедшие оттуда.
А сердце бьется и колотится
И все никак не верит чуду.

«Стоит березонька во ржи...»

Еще стрижей довольно и касаток...

О. Мандельштам

Стоит березонька во ржи
В краю, где отчий дом.
И чертят в небе чертежи
Стрижи перед дождем.
Забудь про этот край. Покинь!
Не поминай родства.
На самом деле там пески,
Полынь. Разрыв-трава.

И дождь не в счет, и рожь не в счет.
Не в счет полет стрижей.
Где Мандельштам сказал —
Еще, я говорю – Уже.

«И море в странном освещенье...»

И море в странном освещенье,
И туча черной полосой,
И я перед тобой в смущенье
Стою раздетый и босой.
Спасибо, Бог, за все на свете,
Ведь этот миг неповторим —
И море в предзакатном свете,
И туча черная над ним.

«О как я был с тобою близок...»

О как я был с тобою близок,
Ладони в мягком утопя,
Я груди брал твои, как визу
На путешествие в тебя.

И я сжимал твои колени,
И трогал влажных губ края,
Чтоб выпрыгнуть хоть на мгновенье
Из рамок собственного я.

И надо мною тяготела,
Меня давила и несла
Тоска по телу, жажда тела —
Познания добра и зла.

И полон ощущеньем плоти
Я наслаждался им взасос,
Так воздух чувствуют в полете,
Так травы чувствуют в покос.

Не понестись ли вверх ли, вниз ли
Рука в руке, нога в ноге,
и сталкивались наши мысли,
как искры в вольтовой дуге.

Со лба на лоб взбегали тенью
Из глаз в глаза, из глаз в глаза

Пять тысяч мыслей в осужденье
И ровно столько ж мыслей за.

Но это значило так мало,
Весь город вдруг ушел в провал,
И как последний в мире мамонт
Мелькнул в окошке самосвал.

1968

«Мы россияне, так рассеянны...»

Мы россияне, так рассеянны.
Построив храм Христа, забыли
Офелию на дне бассейна.
Вот она ртом, как рыбка, воздух хватает
и кричит, – Любви не хватает!
Любви не хватает!..

1997

Вчерашний день

Нам кажется, вчерашний день так близок,
что рядом он,
что вышел прогуляться,
здесь, за угол, совсем недалеко.
Еще слышны вчерашние слова,
шаги гостей, что допоздна сидели,
и прыг их провожавшего кота.
И много, много
вчерашней мишуры и суеты.
И милое дыхание любимой,
и кажется, что можно ей сказать,
– Ну что ты куксишься?
Забудь, оставь.
Я что-то брякнул,
и совсем некстати?
Так это ж все слова,
им грош цена
и, главное, что можно все исправить.
Вчерашний день – он здесь,
он точно рядом,
как на плите кастрюлька,
только встань,
не поленись
и руку протяни.

Да черта с два,
нет никакого дня!
Умолкните поэты и жрецы,
Заткнитесь все и вы, миллиардеры,
ни за какие деньги
вчерашний день обратно не вернуть.
Он канул в вечность.
Он дальше Фермопил и пирамид.
Он затерялся средь полузабытых,
ну, как их там
живых или убитых
гомеровских героев.
Вот так мои друзья.

13 апреля 2018

«Мы опять говорим не о том...»

Мы опять говорим не о том,
Осень рыжая вышла из леса
И рассыпалась ржавым листом,
И скрипит под ногами железом.

Нам себя же придется винить,
Если вдруг мы на осень наступим.
Я тут Богу хотел позвонить,
Говорят, абонент недоступен.

Мимо нас все на скейтах бегут,
Так торопятся, видно, им к спеху.
Где-то празднуют, слышен салют,
И по парку разносится эхо.

Но когда те пойдут на войну,
А другие пойдут в магазины,
Мы с тобой соберем тишину,
Как грибы, и уложим в корзину.

26.09.2015

Крит. Пещера Зевса

Отсюда видно, как в небе синем
Уходят боги.
Они решили людей покинуть
И сделать ноги,
Удрать от нас в ледяные дали

Дорогой млечной,
Они и раньше нас покидали,
Теперь навечно.
Забыв о силе своей и славе
Бегут так скоро...
Зевс в спешке шлёпы свои оставил —
Вот эти горы,
Веками море их обмывало,
Сушил их ветер,
Как будто вовсе и не бывало
Богов на свете.

20.10.2017

«Где горы, горы и горы...»

Где горы, горы и горы
По серпантину
Виток за витком
И вдруг, как гость без звонка
Появляется море.
Синевы такого разлива
В палитре художника нету.
Бесконечное.
Мягким своим полукружьем
С горизонтом слилось,
Но что это?
По краям окоема зазубрины,
Точно черт краюху обгрыз.

От купола неба
Здоровенный кусок отвалился.
Пустота и в дыре
Второго неба не видно.
Снесло полгоры.
У горы обнаружилось чрево,
И странно смотреть на него.
А домики желтого цвета,
Что буквой Г
Вдоль дороги стояли,
Газонокосилкой
Скосило.

По спирали
Виток за витком,
То ли вверх, то ли вниз.
У платана срослись два ствола
И слегка изогнулись,

Как ноги слона,
Но где голова и живот?

Кончается все,
Пятисотлетний маяк
На две части расколот.
У богини любви отрублены руки,
И бетховенский марш оборвался,
Словно немцы тридцать девятого года
В Польшу вошли
И, разинувши рты, онемели.
А шоссе, что несло в пустоту,
Вместе с нами туда и попало.

Но солнце второе встает,
И заря – на все стороны света,
Так наступает начало.

20.10.2017

Фото

На фотографии те двое,
Ей двадцать, мне двадцать четыре.
В их лицах что-то есть такое,
Что, как намек —
Они живые.
Такие, может быть, не умирают,
А попадают в параллельные миры.
Вон из египетских песков
Прут пирамиды —
Углы другого измерения.
Когда-то эти двое повторяли:
Мы уходим с тобой
Из этой проклятой системы,
Где любовь в чистом виде
Не встречается даже местами.
И касаемся пальцев влюбленных
С застенчивой нежностью школьников,
Где двум d не равняется сумма углов треугольника.
Вот они и попали туда,
Где тела не подвержены тленью,
Где сердце живо
Четырехмерной любовью,
А все что лживо
Превращается в лепешки,
В дерьмо коровье.
А может попросту, они мне милы.

Их лица на моем столе, а не где-то в мире,
И кажется, они живые,
Ей двадцать, мне двадцать четыре.

25.11.2018

«Мы мчим на такси...»

Мы мчим на такси,
На экспрессах
На трёхнутых вертолетах,
На маршрутке – 345 К —
Цена проезда полтинник.
Мы торопимся в Химкинский порт.
Кто-то паспорт не взял и билет,
Кто-то забыл чемодан —
Наплевать!
Нам нельзя опоздать.
Скорее, скорее, скорее...
Уже сходни убрали.
Отходит корабль,
У причала бурлят буруны.
Все ли успели?
Чёрт с ними, со всеми,
Главное – мы!
Мы расселись в каютах своих
И мы едем, ура! —
На корабле дураков.

Октябрь 2018

Время

Б. Владимирскому

Вот море темное, немое,
Урчит немое, камни моя,
То срочно скалы огибая,
То прочь устало убегая.
Поговорим с тобой о времени,
Ему назначено, однако,
В физической системе не
Иметь минусового знака.
Латинским бесом нарисовано,
И задано идеей вражьей.
Я видел, как оно спрессовано
Под глыбами в памирском кряже.

До времени, пока не ожило,
Для управленья миром, мило
Хранится в ящичках, уложено
В них, как хозяйственное мыло.
С ужасным «бременем» рифмуется,
Имеет дьявольский эпитет,
Взорвавшись, снова не спрессуется
В уютный параллелепипед.

Причина обгоняет следствие,
За хвост схватив его игриво.
Мы все здесь терпящие бедствие,
Последствия большого взрыва.
Желтеют листики зеленые
И вешняя вода спадает.
Мы мчимся ветром унесенные,
Естественно спросить: куда я?
Где вы, где вы, буфетные слоники,
И в трусах по колено, борцы?
Вся эпоха как кадр кинохроники,
Где гуляют одни мертвецы.

Поговорим с тобой о времени,
Все, что ни скажем, будет мимо.
Ты лучше как-нибудь соври мне,
Что время, мол, неощутимо,
Предмет не взвесить, не пощупать,
На завтрак с булочкой не схрупать,
Нет запаха, нельзя измерить,
Попробуем в него не верить.
У синя-моря в Партените
На берег сядем в голом виде,
Стихи любимые читая,
Считая за волной волну
И постепенно забывая,
Что мы у времени в плену.

Сон

Жизнь моя вытекает по жиле,
Ножик сонную жилу рассек.
— Долго жили, не тем дорожили, —
Говорит мне седой старичок.
Сердце бьется все легче и легче,
Кровь спадает и снова течет.
Старичок мой бормочет и шепчет,
Наставляет, глаголет, речет.

– Смертный сон никому не опасен,
Добрый сон... Самый крепкий из снов...
И таинственен так, и не ясен
Ускользящий смысл его слов.

Замедленное кино

I
Счастливым жребий выпал мне:
Прожить в краю садов,
Не зная бед, как в сладком сне,
До четырех годов.
До четырех годов, а в пять
Мне было суждено
Под мельницей, попавши в падь,
Волчком уйти на дно.
У омута на быстрине
Настиг меня отец,
На миг он опоздай ко мне,
Пришел бы мне конец.
Когда б он опоздал на миг,
В ушах звенел бы звон,
И к лику ангелов святых
Я был бы сопричтен.

Течет вода на быстрину,
Кружит водоворот,
И я волчком иду ко дну,
Но все во мне поет.
Восторг звенит в моей груди,
В глазах моих круги:
Отец земной мой – погоди,
Небесный – помоги!
И вдруг раздался этот миг
На много тысяч дней,
Иль сжалась жизнь в мгновенный вихрь,
Как тут сказать верней.
Вся жизнь, как бесконечный взрыв
В замедленном кино.
Вся жизнь в грядущее прорыв —
Вагонное окно.

Вся жизнь до срока, до поры
Раскрывшийся бутон.
Вся жизнь с наскока вниз с горы
Несущийся вагон.
Вся жизнь моя от первых слов

И глупых детских слез
До непоплаченных долгов
И ран, что я нанес.

Со всех сторон глаза, глаза
Глядят в упор и вслед,
Трепещут, по волне скользя,
Боясь сойти на нет.
А я व्यюном иду ко дну
С тех пор и по сейчас,
Но я забыл, что я тону,
Я тут в снегу увяз.

Снег, наледь, тяжело ногам,
На сердце скукота,
И я тащусь в универсам
За кормом для кота.
И мне лицо секут ветра —
Двоится все от слез,
И два метра, и два Петра,
А посередке мост.

И
Не во сне, не наяву
Я иду через Неву.
Иду по мосту девять дён,
А мост стальной как жизнь, длинён.
Небо присыпано золой.
Со мной играет ветер злой.
Дует в шею, валит с ног.
Спотыкаясь, скольжу, склоняюсь вбок.

В черной талой воде, во льду
Кто-то ночью попал в беду.
Вот он стонет, кричит, зовет —
То утонет, то вновь всплывет.
Где-то в городе бьёт набат,
В черной проруби тонет брат.
Выплыл брат мой – гребок, гребок —
И обратно, как поплавок.
Что ты скачешь, как бес, в волне?
Что ты плачешь – ко мне, ко мне,
Душу томишь – тону, тону!
Что ты стонешь, я сам стону.

Черт на мост меня занёс,
Что ни шаг – сугроб, занос.
Иду по мосту девять дён,

А черный мост, как жизнь, длинён.
Снег-то по морде мне шлеп-шлеп,
Жалит щеки, жалит лоб.
Мороз горячий, как огонь,
К перилам прикипает ладонь.

Что ж он хочет, чтоб так спроста,
Я средь ночи к нему с моста?
Если правильно сигану,
Значит, точно пойду ко дну.
Буду там я лежать всегда,
Будет течь из ушей вода...
Если прыгну не в полынью,
То достанусь я воронью.
Череп, треснувшись о быки,
Разлетится на черепки,
Кости выскочат из колен,
И не будет мне перемен.

В бесконечность, в пустоту,
На карачках по мосту
Ползу, как жучка, девять дён —
Проклятый мост, как жизнь длинён.
А тот кричать уже устал.
С трудом открываются уста.
Голосом сдавленным, как во сне
Руки, ноги выкручивает мне

Саня, Саня! – меня зовет,
То утонет, то вновь всплывет.
– Сил, – кричит, – на один гребок.
Саня, Саня, спаси, браток!
Что он бьется в крутой волне?
Что он рвется ко мне, ко мне?
Темень жутче, мороз лютей,
Звал бы лучше других людей.
Скулы сводит от той возни,
Вот он, вроде, опять возник.
Вот он снова пошел ко дну:
– Братцы, это ведь я тону!..

Стихотворения Виталий Кальпиди

Кальпиди Виталий Олегович род. в 1957 г. в Челябинске. Публиковался в журналах «Урал», «Юность», «Знамя», «Литературная учеба», «Родник», «Лабиринт – Эксцентр», «Золотой век», «Воздух» и мн. др. Автор и главный редактор многотомного проекта «Антология современной уральской поэзии», составитель, издатель и оформитель более 70 книг современной уральской литературы. Создатель и редактор журнала «Несовременные записки», ответственный секретарь журнала «Уральская новь». Лауреат многих российских и международных литературных премий. Автор книг «Пласты» (1990), «Аутсайдеры-2» (1990), «Пятая книга и Вирши для А. М.» (1993), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2007), «В раю отдыхают от бога» (2014), «Izbrannoe» (2015), «Русские сосны» (2017). Автор и идеолог проектов «ГУЛ», «Русская поэтическая речь – 2016», «Жестикуляция». Стихи переведены на 15 языков. Живёт в Челябинске.

Послесловие автора

Чтение

Альвеолы и нёбо, и в косу заплетённый язык —
вот и всё для работы.
Кафедрального воздуха – непостижимы азы.
В переплёт попадает судьба, переплёты судьбы – в переплёты

книг. И так, дальше – чтенья пустая возня,
а в финале – самшитовый ларь примечаний.
Кавалерова бред. А Сореля казнят, —
это всё обсуждалось за чаем.

Под дождём пролежу: словно тучи тома словарей,
карасями в пруду проплывают герои-любовники.
Как бездарно в четвёртом абзаце запел соловей.
Чья-то смерть. Подозрительны все, исключая садовника.

Как невеста в слезах – рюмка водки на круглом столе,
её выпьет усталый усатый полковник,
он влюблён, он влюблён уже с лишком сто лет,
но Опискин ему это и через триста припомнит.

Спать пора, но не вам, а героям в последней главе,
муравейники букв скоро кончат своё мельтешенье.
Свет луны задрожал на странице, ах, нет – на траве,
и любовники спят – добродетельны их прегрешенья.

Вам захочется встать на ступени, где номер страниц,
уколовши стопу об иглу единицы,
и, скакнув за штакетник таких единиц,

рисковать зацепиться за угол страницы.

Как вы будете там благородны, любимы, нежны,
вы заставите плакать злодея,
вы добьётесь руки обедневшей девчонки-княжны,
и рука её в вашей руке станет – о! – холодеть, холодея.

В двух абзацах у вас народится пятнадцать детей,
старший сын, поспешив, попадёт в декабристы,
дочь с гусаром сбежит... ну, живите, живите скорей:
остаётся четыре страницы...

«В небездождливый день про муки Себастьяна...»

В небездождливый день про муки Себастьяна
со мною букинист калякает с утра.
Мне – девять лет. Я не секу поляну.
Я – безотцовщина. Меня любить пора.

В то время братьев Гримм – сиамскую четою
я почитал. И кровожадно Гримм
чинили справедливости, ну что я
мог возразить? Я свято верил им...

Дочь букиниста – хилая Рахиль,
Её глаза – две жидких полусферы
навыкате. Её крутил рахит,
но я влюблён и объяснился первым.

Мы – лоскутами шитая семья,
читаем «Бовари», старик сидит в пижаме,
скулообильна девочка моя.
(Она погибнет через год в пожаре.)

Старик речист, как ушлый иудей,
он репетирует лицом, как обезьяна.
...из тла смешно подглядывать людей...
отпущен год на муки Себастьяна...

Репортаж из роддома

Он – астронавт на материнских водах, лишайная копилка
атавизмов,
плывёт внутри сферической свободы, раз пуповины
полихлорвинил

его от бездны отсоединил. Не наблюдая собственной отчизны,
плывёт и спит зажмуренная рыба в рубашке из внутриутробных
сил.

Над ним виляет космос по Лапласу, летает плоский ангел, как
фанерный,
и звёзды раскрываются вокруг и хлопают, раскрытые, как зонт.
А он плывёт и видит сны отца вперёд того, кто их задумал первый,
он видит мать, а у неё внутри – свернувшийся улиткой горизонт.

Он выплавляется из плесени зачатья. Вдали мелькают фосфорные
свечи
далёкой рампы. И фанерный ангел в него бросает белоснежный
щит:
от холода зрачки затвердевают, и он вмерзает в движущийся
глетчер,
сейчас он сбросит взорванный скафандр, и аварийный зуммер
запищит...

«Всё кончено. И бог молекулярен...»

Всё кончено. И бог молекулярен.
Он вместо снега сыпал алфавит:
его язык в Перми непопулярен,
на нём уже никто не говорит.

При въезде в Мотовилиху – тюрьма
(а город не заметит этой раны),
там, шмона опасаясь, уркаганы
рассказывают сказки дотемна.

Воронами заряженные роци
просалютуют, залпами треща,
когда заика-пёс из фразы «Ав-ва отче...»
лишь первый слог сумеет прокричать.

Я был всегда, а город народился.
Я не успел моргнуть, а он – стоит:
в дома, в купюры, в трубы нарядился,
плывёт себе Пермь-чудо-юдо-кит.

Вот разве кладбища!.. Но как я их боюсь
(они уже давно не обелиски),
пройдёшь по ним – как страхом
обелишься:
там долговечней смерти даже куст...

Сад

1

Поклон тебе, закрученный в кору каштанов парк:
букварь пощёчин девичьих, талмуд любовных игр,
нечёсанных кустарников велеречивый пар
и судорога ужаленных росой упругих икр.

Я воздуху щербатому шлю поцелуй воздушный мой
и травостой замучаю ладонью и стопой,
и пусть я за лиманами, за странами, за годами,
за камнепадом гибели – я всё равно с тобой,

мой парк, дождём простроченный.
По самой древней метрике ты мне – отец и мать.
На луже у обочины ты пишешь ровным почерком,
что этой ночью мне опять любимую искать...

2

Когда, от соринки грозы проморгавшись,
мой сад обнажил разноцветные дёсны
в улыбке, и гости, поднявшись с утра в шесть
часов, побросали прозрачные вёсла,

которыми ночью гребли в сновиденьях,
ты вышла, дымя дорогой папирсой,
и те, кто сидели, вставали с сидений
и строились, как новобранцы, – по росту...

3

Тапёр, надсаживая руки,
вслепую гнёзда клавиш щупал:
птенцов калеча, взмыли звуки,
и он их сразу убаюкал.

И, врассыпную бросив пальцы,
погладил горностаи октав,
мелодия неандертальцем
завыла, голову задрал.

Китаец с куцею косицей
гостям пакетики совал,
а те, их взяв, давай коситься:
вдруг он соседу больше дал.
Когда ж бумагу развернули
всё содержимое – на зуб:

и мигом съели поцелуи,
что ночью выпали из губ.

Осень памяти отца

Жидкая осень и дымы солёной листвы.
Дождь, повторяющий плавные складки эфира,
скрыл между ними в морщинах земной красоты
пытки осеннего мира.

Плавится жизнь. Улетают старухи. Отец
сгрыз до конца голубой леденец суицида,
слюни да кровь (и не больше?) оставил беглец
в памяти сына.

То ему сухо и жарко в подземных котлах,
то ему влажно и нежно в раю треугольном,
то ему страшно в моих человеческих снах,
страшно и больно.

Больно то белым, то красным, то синим, потом
больно без цвета, и он верещит, как дитя,
или читает по-птичьи семнадцатый том
наших семейных проклятий.

Вот он присел, точно мой неродившийся сын,
в платье девчачьем, в резиновых ботах, касаясь
пола ладошкой. Бросая ему мандарин,
что ж я не плачу, как бешеный, а просыпаюсь?

... а просыпаюсь, и инеем нежность лицо
мне покрывает, скорее всего – по привычке,
ибо что звал я на этой планете отцом,
мною вот только что было забыто вторично.

«Допустим, ты только что умер в прихожей...»

Допустим, ты только что умер в прихожей,
и пыль от падения тела границ
луча, что проник из-за шторы, не может
достичь, но достигнет. Красиво, без птиц,

за окнами воздух стоит удивлённый,
захваченный взглядом твоим, что назад
вернуться к тебе, отражённым от клёна

в окне, не успеет, и всё-таки сжат

им воздух, но это недолго продлится:
твоё кареглазое зрение дрожать
без тонкой почти золотой роговицы
сумеет четыре мгновения – ждать

осталось немного. Большая природа
глядит на добычу свою. Говорю:
не медли у входа, не медли у входа,
не бойся – ты будешь сегодня в раю.

И всем, кто остался, оттуда помочь ты
сумеешь, допустим, не голосом, не
рукой и не знаком, и даже не почтой,
которая ночью приходит во сне,

но чем-нибудь сможешь – я знаю наверно...
Ты всё-таки умер. И тайна твоя
молчит над землёю да так откровенно,
что жить начинает от страха земля:

и звёзды шумят, как небесные травы,
и вброд переходят своё молоко
кормящие матери слева – направо,
и детям за ними плывётся легко.

«Можно сказать: ты стоишь у окна...»

Можно сказать: ты стоишь у окна
всё нарастающей осени, если
так остывают у птиц имена,
что у вещей они даже исчезли,

что начертанье кривых тополей
ветер согнул до такого курсива,
что издевательство это, скорей,
не безобразно, а даже красиво.

Сызмала адресированный тьмой
действовать взглядом особого
блеска,
я наблюдаю тебя молодой,
то есть не в фокусе, то есть не резко,

то есть всю вечерееет, пока
густо клубится роскошная старость.

Я бы сказал, что плывут облака,
только для этого слов не осталось.
Кто нас за локти разбудит с утра?

Кто поцелует и нежно состарит?
Ты некрасива, поскольку прекра —
сна ни в одном – ни в зелёном,
ни в карем.

«Кошка с длинными ресницами...»

Кошка с длинными ресницами.
Синий лунный свет.
Жизнь тем более случится,
если нас здесь нет.

Заскрипит в замёрзшей луже
прошлая трава,
и никто не обнаружит,
как шумит сова.

Кошка умывает лапками
узкое лицо,
и блестит в углу под лавкой
женское кольцо.

У запруды стонет в воду
сом своих усов,
он подводную погоду
предсказать готов.

Чересчур одновременно
замолчало всё.
Лишь колодец постепенно
пьёт своё питьё.

Звёзд пшеничные предметы
кое-как видны,
потому что скорость света
медленнее тьмы.

Не туман, а подходящий
для тумана дым,
даже слишком настоящий,
чтобы стать седым.

И кусты стоят по пояс

в ледяной росе,
и вдали грохочет поезд,
где мы едем все.

Вдовцы

У мёртвых жён в карманах – только снег,
и тот – из мелкорезаной бумаги.
Их взгляд, ещё шуршащий возле век,
уже лишён биноккулярной влаги.

Они теперь своим мужьям враги,
хотя любимы этими мужьями.
Им никогда не встать не с той ноги
в своей насквозь не оркестровой яме.

Зато им – петь пластами рыжих глин
и супесью смеяться до упада,
и, раскатав картонки тонких спин,
на них скользить по чернозёму ада,

где, сквозь себя просеивая грунт,
навстречу к ним, движенья обнуляя,
их дети нерождённые плывут
своим невероятным баттерфляем.

Плывут на запоздалую войну
рождения, где воды, пусть немного,
но отойдут грунтовыми во тьму,
ведь схватка мёртвых – это схватки бога.

Что под землёю – тоже небеса,
не столько очевидно, сколько важно.
Там женщина уж если не оса,
то птица в оперении бумажном.

И мы верны, то днём, то по ночам,
то воя в ванной после мастурбаций,
подземным ласточкам и девочкам-грачам,
суглинистым синичкам... Если вкратце:

за то, что мы дышали без конца
(пока их не было) налево и направо,
они при встрече вырвут нам сердца
и улыбнутся, потому что правы.

«Вчера я подумал немного...»

Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от бога,
поэтому там хорошо.

От веры в него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухай,
всё время стоят за спиной.

От ярости бога, от страха,
от света божественной тьмы,
от вспаханной похоти паха,
от суммы сумы и тюрьмы.

От ревности бога, от боли,
от ста двадцати пяти грамм
отменно поваренной соли
для незаживающих ран

И снова – от веры, от веры,
от сладкой её пустоты,
от ветхозаветной химеры,
с которой химичат попы.

От яблони в синей извёстке.
От снега на тёмной сосне.
От плотника с женской причёской,
от плоти его на кресте.

От «око за око», от шока,
что эти стихи на столе
лежат с позволения бога,
убившего нас на земле.

О, как он любил, спозаранку
склонившись над городом Ч.,
зализывать кислую ранку
у птицы на правом плече...

«Смотрел TV...»

Смотрел TV. На фразе: «Форрест,

беги...», – мне стало жутко, ведь
так за окошком хрустнул хворост,
что это были пальцы ведьм.

Они в свои играют игры,
с сосны облизывая клей,
чтоб та себе под ногти иглы
могла вогнать... – ан нет ногтей,

а есть твои сухие руки,
уже артритные на треть,
ты ими утром слой старухи
с лица пытаешься стереть.

Все пары в старости неряхи,
тем паче мы, когда вдвоём
лежим практически во прахе
и поцелуем губы трём.

А к четырём на кухне сумрак
наступит на седую мышь,
где ты, достав еду из сумок,
не зажигая свет, сидишь.

Скажи, с какого перепуга
ты застаёшь меня врасплох
и, как ребенка, память в угол
всё время ставишь на горох:

там я с ахматовской молодкой,
стою, как будто под венцом,
наполненный твардовской водкой
и заболоцким холодцом;

там ты у старой водокачки
ревёшь, не открывая рот,
пытаясь, стоя на карачках,
назад произвести аборт.

«Взамен любви, которой нету,
ты нежность вымещал на мне...» —
захочешь крикнуть ближе к лету,
а вот осмелишься – к зиме,

и отопительные трубы
ударят палками в набат,
и за окном оскалит зубы
себя жующий снегопад,

и каждый с собственного края,
спиной друг к другу, на кровать
мы ляжем, глаз не закрывая,
чтоб смерть свою не проморгать.

Бродский в Норенской

В краю прозрачных деревень,
где на плетнях висят не крынки,
а не поймёшь какая хрень,
да петухи, задрав закрылки,

где происходит каждый день
в начале января, допустим
(я повторяюсь), такая хрень,
что лучше мы её опустим.

Там не природа, а фигня,
и чёрт-те что, и сбоку бантик,
там, если взглянешь на меня,
увидишь: не по росту ватник

и счастья полные штаны.
Там гимн страны под босса нова
горланят бесы-шатуны,
причём в трусах на босу ногу.

В сугробах греются коты,
орёт сосед: «Урою, стерву!»,
и женщина его мечты
бежит с двумя детьми на ферму.

Сейчас запахнет молоком —
таким простым телячьим раем,
и, не сглотнувши в горле ком,
я удавлюсь за тем сараем.

И характерно, что к утру,
когда меня заметят, тело
качнётся вправо на ветру,
но так и не качнётся влево.

Мне будет пухом чепуха,
с которой ладили неплохо
господь при помощи греха
и сердце – с помощью порока.

И я не сочиню мотив,
прижавшись скулами к запястьям,
за гениальность заплатив
двойным предательством и счастьем.

Книги, которые я написал

– «Пласты» (1990), первая моя книга (ещё не книга, а сборник), – это мусоропровод, потому что после пятнадцатилетнего писания в стол я, затоваренный по самую макушку, высыпал туда практически всё, что не уничтожил за эти годы. В «Пластах» очень много дежурных поэтических банальностей, которым я всеми силами пытался придать оригинальный блеск. Частично это удалось, хотя смысла самому процессу не прибавило. Зато будущим пермским поэтам в этой книге я указал, что они живут в Перми – в городе, который наполнен – даже переполнен – молчанием. Я, приехавший в Пермь из Челябинска, это сразу почувствовал, потому что мой-то родной город был заполнен тишиной, которая отличается от молчания, как уют от космоса. Пермь хотела и могла обрести речь. Её просто надо было озвучить. С Челябинском такой фокус не удался бы: он до сих пор биологически лишён речевого аппарата и, как следствие, – слухового тоже. И всё-таки «Пласты» – это пастбище, на котором и по сию пору пасётся моя молодость, не принадлежащая даже себе самой.

– «Аутсайдеры-2» (1990). Лидером может стать только аутсайдер. В настоящие князи пробиваются только из грязи, аннулируя при этом и княжение, и грязь одновременно. В этой книге мне показалось, что я вправе говорить от имени своего поколения. Представьте, что коленная чашечка давно ампутированной конечности произнесла бы спич о тайном смысле забега на стометровку. Если представили, то книгу «Аутсайдеры-2» можно не читать.

– «Вирши для А.М.» (1992) и «Пятая книга» (1993). О стихах из этих сборников мне бы не хотелось ничего рассказывать. Все они похожи на домашних животных, с которыми поступили ужасно: их выгнали из дома. Они до сих пор поджидают меня у входной двери, и проскользнуть мимо них мне то и дело удаётся. Прошлое – вряд ли похоже на красиво оформленный гербарий несбывшихся надежд. Потому что всё твоё несбывшееся проходит процедуру мумификации памятью и автоматически превращается в призраков, вселяющихся в любого, кто слишком близко приблизится к тебе.

– Первая моя настоящая книга – «Мерцание» (1995). Она писалась с мыслью, что мир после её появления изменится. Если такого ощущения у писателя нет, то он пишет не книгу, а стенгазету (даже если это стенгазета для ангелов). В «Мерцании» моё недоверие к читателю достигло такого цельсия-фаренгейта, что пришлось решиться на авторские комментарии к каждому стихотворению. Если бы в этом блоке книги удалось избежать кокетливой мудрости (самой изощрённой формы глупости), было бы здорово, но здорово не получилось. Короче, – никому ни с кем договориться не удалось. Длиннее – если бы даже удалось, то ничего бы не изменилось.

– «Ресницы» (1997) – книга о смерти. О том, что смерть не страшный финал, а процессуальная тайна, которую надо угадать (разгадывать почему-то не получается). Записывая стихи, я находился в наилегчайшей эйфории по причине того, что поборол страх личной смерти. Может, это и не было счастьем, но бреющий полёт над территорией «Большого Испуга» напоминало. Я настолько увлёкся обладанием своего бесстрашия, что, когда книга была записана, оказалось, что страх вернулся. Вывод: «не бояться» надо каждый день и тренировать способность не-боязни постоянно. Впрочем, постоянное внимание к проблеме говорит о том, что проблема никуда не делась. Если ты долго всматриваешься в бездну, то она начинает... мор-

гать. А если начинаешь моргать и ты, то есть техническая возможность попросту не заметить друг друга.

– «Запахи стыда» (1999). Технологически это книга – удачно реализованная попытка дать каждому стихотворению две жизни (ну, и две смерти тоже). Я оттолкнулся от мысли, что, когда мы идём направо, мы не только идём направо, но мы ещё (и это главное!) точно не идём налево. Оттолкнулся и реализовал квантовую модель поэтического текста. Техника написания была проста. Записывался текст, а потом по очень и не очень горячим следам делалась перезапись уже написанного стихотворения. Так я и называл стихи в процессе работы: «запись» и «перезапись». Получилась два небольших тома, две реальности, упакованные в один футляр, технически представляя собой дву-реальность. Две эти реальности были по отношению друг к другу абсолютно не приоритетны. Идея этой книги была тем хороша, что она была идеально реализована. Помимо всего прочего, при написании этой книги мною было замечено вот что: я меняю от книги к книге и личную поэтику, и систему ракурсов в зависимости от поставленных (допустим, что так) поэтических задач. «Мерцание», «Ресницы», «Запахи стыда» – это книги, написанные разными людьми, или: изменёнными людьми. Так мною (и только для себя) был обнаружен от обратного промежуточный смысл поэтической практики. По касательной в «Запахах стыда» была сделана попытка подложить под Челябинск «гигиеническую клеёнку» новой мифологии. Но эта попытка провалилась: город наотрез отказывался конструировать своё прошлое, предпочитая постоянную падающую несуществующего будущего. Не знаю, нужно ли это говорить, но глиняные птицы памяти всегда находят свои настоящие гнёзда, потому что ими становятся наши сердца. И ещё: в этой книге прояснилось, что «лёгкость мыслей в голове должна быть необыкновенная», если мысли тяжёлые, то это не мысли, а их разлагающиеся трупы.

– В «Хакере» (2001) захотелось просканировать несколько основных тем и идей двухсотлетней русской поэтической практики на предмет их осмысленности, точности, честности. Такие вещи я практиковал ещё в «Пластах»: например, осторожное, как мне казалось, разрушение культурного штампа «сакрального образа Матери» или взлом романтического клише «образа Птицы». В «Хакере» же этот взлом стал навязчивой идеей. Нужно отдавать себе отчёт, что на словах это выглядит вроде как управляемый процесс. Практика же поэтических инсинуаций (именно так стоит называть поэзию) обладает портативным и непредсказуемым «генератором путешествий» в область, к подобным путешествиям не приспособленную. Поэзия – это не только строительство «воздушных замков», это ещё и строительство «воздушных пустынь», «воздушных стран», «воздушных подземелий» и «воздушных богов», которые в силу своего абсолютного воздушного всевластия отрицают саму воздушность и возвращают «туристов» на твёрдую землю, чья твёрдость, как показывает практика, трагически иллюзорна.

– Книга «Контрафакт» (2010) обошлась при своём создании без «эротического конвоя», который всегда сопровождает лирические стихи. Это раз. Два: «Контрафакт» – это грубая имитация феномена преемственности в русской поэзии для выяснения, имеет ли она, эта преемственность, действительно место быть, или же перед нами – обычная пустышка в виде эстафетной палочки, которую передают с одной целью – как можно дальше отодвигать финиш, устроив бесконечную эстафету. Попутно выяснялось: нельзя после 35 читать чужие книги, иначе ты будешь так или иначе конспектировать их внутри своих. Чтение зрелым художником чужих книг напоминает порнографию: возбуждает к подобному действию, то есть к пересочинению сочинённого. А это унижительно и абсолютно бессмысленно. Постоянное общение поэта с поэтами – это ментальное кровосмешение, ведущее именно туда, куда и должно вести – к вырождению, ибо генетику никто не отменял.

– «В раю отдыхают от бога» (2014). Захотелось поискать что-нибудь существенное в неправильном месте. Если бог везде, то его можно найти и на помойке. Если он действительно везде, то его можно найти даже в пространстве собственного неверия в него. Ведь там тебе

легче искать: топография пустоты вызубрена тобой на зубок, а дежурное кокетливое отчаяние не только привычнее пыли на подоконнике, но даже принимает вид этой самой пыли. Я написал книгу лирических лозунгов, произнесённых в бреду осознания, что Творец – это не персонаж, а вера. Вера в то, что его демонстративное отсутствие ничего не доказывает. Если бог нужен, крайне нужен, а его всё ещё нет, то ты сам должен сотворить бога из обломков самого себя, ибо никакого другого материала у тебя под рукой никогда не будет. Никогда. Такая вот нехитрая арифметика. Вывод: жизнь – это бег в мешке с котом в мешке за богом без мешка. На первый взгляд – смешно, но на самом деле не смешно – это точно.

– «IZBRANNOE» (2015). Любое «избранное» – это ошибка, которую за поэта после его смерти должны сделать другие. Мне же удалось сделать её самому. Этой ошибкой я закрепил в своем сознании аксиому, как всё-таки тотально необходимы человеку абсолютно бесполезные вещи. Это раз. Мне стало ясно, что дискриминация собственных стихов, то есть деление их на достойных и не очень – творческая подлость, или поэтическая мерзость. Это два. По ходу удалось решить неразрешимую проблему соединения двух несоединимых художников в формате единой иллюстрации, изобретя «палимпсест-иллюстрации». Это три и четыре. Тираж этой роскошной книги, скорей всего, никогда не будет распродан, и мне на это наплевать. Это пять. У меня появился личный издатель, готовый публиковать абсолютно всё, что я напишу, придумаю, сочиню. И тут уже нужна, как минимум, последовательность Фибоначчи, а не примитивная арифметика.

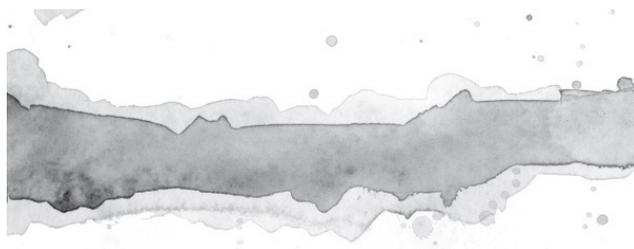
– «Русские сосны» (2017) – книга надежд в том смысле, что надежда умирает, умирает, и всё никак не сдохнет. Она, эта книжка, в момент записи одухотворялась пониманием, что не будет прочитана. Получилась независимая книга: независимая от читателей, критиков, продвижения и продаж. Взглянул я на её свободу и весело мне не стало, но и грусти тоже не было. В «Русских соснах» многие существующие вещи названы своими именами, но в ней есть и стихи, где названы своими именами ещё не существующие вещи. В книге 33 стихотворения. Финал книги звучит многообещающе так:

Жизнь фантастически напрасна.
Плывя в крови её кромешной,
бессмертным доверять опасно.
Одна надежда на воскресших.

Все предыдущие стихи «Русских сосен» заняты тем, что изобретают технологию тотального воскрешения, используя для этого сломанные детали смерти. Это те детали, которые остаются после того, как ты сначала что-то разобрал, а потом собрал снова, но кое-что всё равно осталось. Твоя жизнь – это то, что осталось, после того, как смерть собрала из тебя свой пазл. Когда ты трудишься, ты устаёшь. Когда ты творишь – ты иссякаешь. На всякий случай скажу вот что: личная усталость от пройденного пути – обычное дело, но к самому пути отношения не имеет. Никто не владеет расстоянием уже пройденного им пути. Очарования художника принадлежат миру, разочарования – только ему самому. Первые – волшебны, вторые – несущественны.

Виталий Кальпиди

дельта

Стихотворения Геннадий Русаков

Русаков Геннадий Александрович родился в 1938 году, воспитывался в Суворовском училище, учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Работал переводчиком-синхронистом в Секретариате ООН в Нью-Йорке и Женеве. Автор одиннадцати книг стихотворений. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Национальной премии «Поэт» (2014).

Живет в Москве и Нью-Йорке.

15 августа 2018 года Геннадию Александровичу Русакову исполнилось 80 лет. Редакция журнала поздравляет Геннадия Александровича с прошедшим юбилеем и пользуется случаем сердечно пожелать ему счастья, здоровья и вдохновения.

1. Чего-то в жизни понимаем,
чего-то силимся понять...
Не тех, кто нужен, обнимаем
(а тех не хочется обнять.)
Всё стало просто по раскладу,
и с этим вроде повезло:
дождь зачастил к пустому саду —
воды по первое число.
Я тихим радостям старенья
веду прилежный кондуит:
у Зинки варится варенье,
телок на привязи стоит.
А жизнь опять мне тянет руку:
— Чего надулся, брось, налью!..
И я у Шаховых по звуку
свои дровишки узнаю.

2. В этой вирусной погоде
должен быть какой-то прок:
может, счастье на подходе.
Или время лучших строк.
Что-то явно приключится
или вдруг произойдёт:

ангел по небу промчится
и на землю упадёт
где – нибудь за нашим домом,
возле заднего пруда —
в окружении знакомом,
где лишь ветер и вода.
Он пройдёт к себе задами.
От калитки вякнет пёс.
Ангел тихо скажет маме:
– Я вот тут тебе принёс...

3. А я живу на людях, но один.
Среди других, но неприметен глазу.
Я самый средний в мире средин
и потому не различаем глазу.
Но я давно на это не ропщу —
мне хорошо в моей серёдке мира.
(Я вас к себе в соседи не пущу,
хотя и пожалею для близира...)
Чем дольше жизнь, тем жальче уходить,
как ни страшны её круговороты:
«Всегда успеет, падла, наследить!»
говаривал в училище комроты.
И не без основанья, признаюсь:
где ни живи (хоть на задворках рая),
она найдёт очередную гнущь,
тебя вполне конкретно выбирая...

4. Водомерки куда-то спешили
на своих неудобных ногах:
просто воду слегка ворошили,
соревнуясь в нелепых бегах.
День крепчал, набирал амплитуду.
С неба капала влага-вода.
Я такому природному чуду
удивлялся, но лишь иногда.
Птица-галка куда-то летела.
У сарая полынь зацвела.
(Впрочем, галка всего лишь хотела,
а потом передумала).
Невеликие радости эти...
Я их все, уходя, заберу:
мне покамест живётся на свете.
Я, граждане, попозже помру.

5. Какое просторное лето
и туго натянутый свод!
И хочется, чтобы всё это
не кончилось разом, вот-вот.

Чтоб время в дождях не промокло,
чтоб кто-то взглянул на меня
сквозь чисто промытые окна
такого хорошего дня.
Довольно душа полетала —
пускай посидит у окна.
Посмотрит, какого металла
сегодня над нами луна.
Посмотрит спокойно и молча —
как надо смотреть на луну.
...Налью себе рюмочку жёлчи:
глядишь, поскорее усну.

6. Любовь была, и слава ей навек!
И жизнь прошла то в радости, то в плаче.
Я, видно, не пустяшный человек,
раз не сумел прожить её иначе.
В ней было всё, что нужно и что нет.
Меня тогда от счастья било током
на протяжении двух тысяч лет
в Господнем мире, страстном и жестоком.
Любимые, спасибо за любовь —
за этот пыл и лёг напропалую!
Вы отлюбили. Нынче вновь и вновь
я ваши тени бережно целую.
У вас уже ни плоти, ни имён.
Да я и сам почти что бестелесен
в нечётком воздухе иных времён,
который мне уже так странно тесен.

7. Чтоб не мучиться: «Ново? не ново?»
(Наплевать, и старьём обойдусь!)
Чтоб собой удивлённое слово
уходило бродяжить на Русь.
Чтобы, Господи, жить как навскидку:
где-то вспыхнуло – еду! лечу!
Чтоб любви счастливую пытку
прижимать, как подругу, к плечу.
Чтобы лёгкость движений и взмахов,
невозможный полёт воробья
после всяких восторгов и ахов,
и высокой тоски бытия.
Чтобы «Нет, не могу!» накатило:
лягу возле и рядом с собой.
Только б жизни на это хватило!
Только б сразу и наперебой...

8. Тихий дождь почти что шепотком.
Хмурый день, любимая погода.

Сесть за стол, подумать ни о ком,
позабить число и время года.
И вздохнуть, как будто после слёз —
будто кем-то понят и утешен.
Будто всё взаправду и всерьёз —
стар и глуп, к тому же не безгрешен.
Жил, как мог, под мудрых не кося,
допускал посильные излишки,
чтобы жизнь, пока ещё не вся,
исправляла их без передышки.
Как любил я, всё же, эти дни!
Стынь и ветер, слякоть по дорогам...
Словно мы и вправду не одни.
Словно разговариваем с Богом.

9. Всё будет, граждане, как надо:
всё в самый смак и прейскурант.
Кому положено – награда,
кому покуда красный бант.
Ей-богу, тут не до разборок:
дают – бери, а то сопрут.
Прошёл автобус в девять сорок.
В селе внизу спустили пруд.
Сенцов базарит с продавщицей:
в чекушке обнаружен скол.
Как тут от жизни не тащиться,
поставив ей законный кол
за неуменье и незнание,
за не отсюда и не так!
За неуместность вспоминанья
того, что прожито не в такт.

10. Спокойным мастерством нас радуют июли,
готовностью свершать полезные дела:
развешивать в саду тучнеющие дули,
с дождём ходить вокруг садового стола.
Есть мудрость в этих днях и утешенье в прочих,
и тени по стерне от низких облаков.
Суров солдатский быт у пчёл чернорабочих,
среди которых я, Геннадий Русаков.
Я тоже свой взятки считаю на ладони
и забываю счёт на третьем пятаке,
когда опять дожди за Редькиным долдонят
всего за три версты, уже невдалеке.
Не надо ни о чём жалеть между дождями:
всё будет и пройдёт, опять зашебуршит.
И снова Божий мир небесными гвоздями —
мелкотоварным дождиком – прошит.

Стихотворения Юлия Покровская

Поэт, переводчик, член Союза писателей Москвы, член Русского Пен-Центра. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Плавучий мост», альманахе «Предлог» и др. Автор книг стихотворений: «Выбор» (Авиатехинформ, 1996), «Солнечное сплетение» (Предлог, 2004), поэтического переложения книги П.Луиса «Песни Билитис» (Вита Нова, 2010). В переводах печатались стихи французских (Ж.Дю Белле, В.Гюго, А.Самен, А.Жид, П.Валери, Ж.Кокто, П.Элюар, М.Уэльбек), а также польских, сербских и др. поэтов.

«Серпантинная дорога...»

Серпантинная дорога —
жизнь моя, моя стезя.
Впереди бежит тревога
и догнать ее нельзя,

обойти, вздохнуть свободно,
все предчувствия гоня,
потому что, соприродна
мне, она сильнее меня.

И всегда была – в начале,
и останется в конце —
старшею сестрой печали,
тенью на моем лице.

Солнечное сплетение

Этот узел меня доконал:
мало было других безобразий —
он прямой открывает канал
для космической связи.

Как локатор, сигналы ловлю,
отзываюсь на них поневоле.
Гроз и солнечных бурь не терплю,
ненавижу магнитное поле!

Каждый чих всяких дур волновых,
как зеркальное их отражение,
повторяю. Но прямо под дых
бьет любой поворот и движенье.

Протестую (с годами – сильней)
всею плотью, болящей и тленной,
позабыв, что и болью своей
я причислена к лику вселенной.

Возьми меня в ученики

Возьми меня в ученики!
Я не прошу внимания —
лишь крошками корми с руки
взаимопонимания.
Не холь меня и не лелей —
я из того сословия
словесного, кому елей
опасней, чем злословие,
чем холодность и неуспех,
чем древний страх цикуты.
И мне достаточно утех
одной душевной смуты.

Любую предназначь судьбу —
как пес, я кинусь в ноги
и вынесу, хоть на горбу,
все рытвины дороги,
и рвы, и надолбы пути,
что прочих всех дороже, —
лишь ручку мне позолоти,
чтоб почерк вышел строже.

Возьми меня в ученики
и не давай поблажки!
Твои уроки, жизнь, легки,
хотя и слишком тяжки.

Колесо фортуны

Наталье Аришиной

Карты легли или звезды взглянули добрее?
Что ни задумаю, стало вдруг все получаться,
как у того ловкача, молодца, брадобрея,
что со своею Сюзонн так спешил обвенчаться.

Граф Альмавива! Все ваши усилия тщетны:
не переплюнуть, хоть лопни, любимца Фортуны,

чей темперамент, сродни извержению Этны,
сплошь заполняет собою любые лакуны...

Не оплошать бы и мне: упоение кратко,
и не откупишься: в том же флаконе – расплата.
Наша Фортуна на многие фортели падка.
Как тут не вспомнить отвергнутый дар Поликрата?!

«Хоть большего мне и не надо...»

Хоть большего мне и не надо,
но меньшего я не хочу.
Обещана коли награда,
пускай я ее получу.

Желательно раньше, чем позже,
натурою, а не деньгой —
добавкой шагреновой кожи,
цветной новогодней фольгой,

асфальтовой мглой под ногами,
шуршанием палой листвы
и свечкой каштана, как в храме,
затеplenной в сердце Москвы.

В чистом поле

Вот лежит это чистое поле,
голубых под луною кровей —
Приходи разгуляться на воле,
снегопад, снегодуй, снеговой.

Заводи свою жалобу, вьюга,
затяни свою песню, пурга.
Будто ищут смертельного друга,
закадычного кличут врага.

Где здесь половцы? Где печенеги?
Далеко ль Золотая орда?
Так печально о вещем Олеге
этой ночью гудят провода.

Все так близко и так неделимо,
что не скажешь наверняка,
облака ли проносятся мимо,

или ветер торопит века?..

Но бескрайние эти равнины
не обнимет ни голос, ни взгляд.
Все стирает – и беды, и вины —
снеговой, снегодуй, снегопад.

«Ну, и какой тебе надобно воли?..»

Ну, и какой тебе надобно воли? —
Низкое небо в заснеженном поле,
свет еще брезжит, но скоро уйдет,
точно народник унылый в народ.

Ты же иди на любые четыре
стороны света, известные в мире.
Или подальше куда-то еще,
как объяснят тебе через плечо.

Выселки

Снежное марево, кружево, крошево —
дом занесло аж по самые уши.
– «Как вам живется? Что в мире хорошего?» —
Скажут ли мне стариковские души?

Белое, черное – сколько запасов! —
Только контрасты в российской природе.
И надрывающий сердце Некрасов —
наш современник при всякой погоде.

Недалеко и отъехали, в общем-то:
час электричкой да час на автобусе.
Дятел, синички – все местное общество,
и не ищи эту пропасть на глобусе.

Картина

Художнице Елене Колат

Небо вроде чуть поглубей.
Женщина в очках, нелепой шляпке
в зимнем сквере кормит голубей,

снег летит на розовые лапки.
Кажется, что весь окрестный свет
сторожит чугунная ограда...
Женщина их кормит столько лет,
что уже и уходить не надо.
Не из нашей жизни существо:
и открыта так и простодушна,
будто со святыми есть родство.
Ко всему готова и послушна.

Замкнуто полотен бытиё.
Трогать их нельзя – смотреть и видеть.
Это хорошо: в толпе её
и толкнуть могли бы, и обидеть.

«Гроза гуляла по окраинам...»

Гроза гуляла по окраинам,
вовсю играя желваками.
Она ревела зверем раненым
и зло ворочала белками.

И запахи озона пряного
грозили бунтом и убийством,
и, двигаясь с упорством пьяного,
она дышала евразийством.

И сокрушала все на подступах,
стволы валила и столбы,
и в быстрых молниевых отсветах
я видела лицо толпы.

«Придется завести собаку...»

Придется завести собаку,
чтобы кого-нибудь любить.
Ведь если верить Зодиаку,
у Девы спутник должен быть.

Веселый, чтоб душа наружу,
Но воин, хоть бы и один.
Куда там сыну или мужу —
Он не предаст, как муж и сын.

Я расшибусь в лепешку, чтобы

не обмануть твоей любви,
о мой дружок высоколобий,
с неясной примесью в крови.

И если повезет, до гроба
нас обойдет печали тень.
И, чтоб не мучиться, мы оба
умрем в один и тот же день.

«Куда же ты, радость моя, подевалась?..»

Куда же ты, радость моя, подевалась?
И в руки плыла, да никак не давалась.

Куда же ты, счастье мое, утекло?
Так близко ходило, что блузку прожгло.

Надежда моя, с кем живешь ты теперь?
«Не бойся, – твердила, – все сбудется, верь!»

Любовь моя, ты лишь осталась со мной.
Одна только ты всем потерям виной.

Пятый элемент

Над улицей ночной Одессы,
неповоротливо легки,
летят, гудя, как «Мерседесы»,
большие майские жуки.
Такси воздушное свободно. —
Ну что же ты? Лови момент.
Лети, любовь, куда угодно,
неверный пятый элемент.

Не бойся, я не буду нищей:
со мной останутся всегда
огонь, нуждающийся в пище,
зверек прирученный – вода,
и ветер, с нором мальчишки,
как парус треплющий поля,
моей, быть может, лучшей книжки...
И ждущая свое земля.

«Когда Он дары раздавал, мне хватило всего...»

Когда Он дары раздавал, мне хватило всего,
всего, кроме, может быть, капли безумной отваги.
Бесстрашной была только раз я, и то на бумаге,
а в жизни – ни разу. Ни до и ни после того.

Мне нет, и не будет, наверно, уже оправдания:
зачем испугалась я стать твоей тенью, мой свет?
Теперь я – лишь тень, чьи всегда одиноки скитанья,
и света не будет ближайшую тысячу лет.

«Ах, не этих скаредных кукушек...»

Ах, не этих скаредных кукушек,
не любимца сцены соловья —
хоровое пение лягушек
слушаю, развесив уши, я.

Как у них выдерживает горло?
Врассыпную разом все мальки.
Из нутра такая страсть поперла,
что, боюсь, не устоят мостки...

Если бы меня вот так любили,
так хотели б от меня детей,
Я жила б счастливой среди лилий
на виду у белых лебедей.

«Зачатый на лоне природы...»

Зачатый на лоне природы,
ребенок мой жив и здоров.
На лбу его отблеск свободы,
пугающий всех докторов.

А я над его колыбелью
стою, обалдев от любви,
покуда заносит метелью
все храмы мои на крови,

и эти воздушные замки,
и те голубые мечты,

поскольку у няньки и мамки
желанья, как репа просты.

И столько на сердце заботы,
и столько тревоги в лице,
что можно до самой субботы
не вспомнить о блудном отце.

«Не надо забегать вперед...»

Не надо забегать вперед,
пусть все идет, как есть:
за ночью – день, за годом – год,
за ожиданьем – весть.

Пусть все случится в свой черед,
но чтоб жилось легко,
не надо забегать вперед
и видеть далеко.

Не надо трогать переплет,
как бабушкин ларец.
Не надо забегать вперед —
заглядывать в конец.

Стихотворения Виктор Обухов

Обухов Виктор Альбертович. Родился в г. Ростове-на-Дону, в конце 80-х принимал участие в местной литературной жизни (объединение «Дон», «Заозерная школа»). С тех пор – в литературной жизни не участвовал, хотя иногда печатал статьи или стихотворения в журналах «Грани» (Германия), «Новый журнал» (США), «Лепта», «Очарованный странник» (Россия) и т. п. Несколько стихотворений было опубликовано в коллективном сборнике «Ростовское время (стихи 38-ми)».

«...если бы меня попросили определить манеру этого поэта относительно каких-нибудь внятных координат, я бы раз восемь отказался от аналогий, от поиска предшественников и корней, а уж после пробормотал бы: сравнивать ни с кем не могу, совершенно самостоятелен, но живет неизвестной величины огоньком где-то в треугольнике меж трех, удаленных друг от друга огромных звезд: Блоком, Анненским, Г. Ивановым».

Вячеслав Кожемякин, поэт, издатель

Родина

то кружится в толпе как в танце саломея
то из чужого светится окна
а мне бы ей сказать что я всегда был с нею
но где была она

она всегда в делах как будто завтра грянет
то ль праздник то ль война залетная родня
внезапная свекровь татары и древляне
и ей не до меня всегда не до меня

но может средь забот свершений и рутины
вдруг вспомнит обо мне и поскучнев лицом
окликнет из толпы обманутого сына
чтоб оскорбить презрительным словом

и я отвечу ей а что я ей отвечу
за все ее дела за всё что мне должна
с сиротской прямою угрюмо и навечно
что я ее люблю что мне нужна она

Тишина (романс)

День прошел. Как песок. Как вода.
В никуда. Как вчера. Как всегда:

В нескончаемом шуме и гаме,
В разное рекламных огней,
Меж делами, деньгами, долгами
– День за днем – одинаковых дней.
Он ничем не запомнится в мире,
Доцветет, как ночной фейерверк,
Не заметив, что в темной квартире
С человеком молчит человек.

День за днем: только он и она.
Что ж молчат?.. и о чем тишина?..
Столько слов было днем – обо всем!
(Это – днем. – Не сейчас. Не вдвоем...)

Столько слов! – для минутных событий,
Новостей, перетолков, обид —
День за днем пронося,
по орбите
Вавилонская башня летит, —
Не годятся, не те, бесполезны?
Или сила им здесь не дана,
И, как мостик, качаясь над бездной,
Держит дом тишина, тишина?..

Не придумать слова. Не найти, —
Хоть свечу, хоть пожар засвети.

В телевизоре шастает няня,
Словно семечки, лущит слова,
За окном полыхнёт огнями
Разноцветная штука – москва,
А в квартире – усталые тени
Продолжают свою тишину,
Как немой разговор поколений,
Проигравших и мир, и войну...

«...Эта женщина!..»

М.-

...эта женщина!.. (запахи мая,
Ночь в июне, цветы на лугу...)
Как не много я в ней понимаю.
Да и то – рассказать не могу;
Этот взгляд, эти губы ли, плечи...
– Что сумеет сказать человек —

Нищим голосом, скудным наречьем,
Не справлявшимся с чудом вовек?..

– А она!.. – как субботнее пенье
Грозной силы, творящей миры,
Как затейливый ход в обновлении
Восхитительно сложной игры,
Как гаданье по солнечным пятнам,
Как воздушный дворец на песке,
Как письмо – обо мне – на невнятном,
Незнакомом родном языке...

Золотой век

В. Сендерову

...может, там и оплакивать нечего,
А уйти – и не числить родным,
Возле дыма бывшего отечества
Не остаться столпом соляным,
– Пусть бы дальше – не праздник с попойкою,
Пусть бы – труд, бесполезный почти,

Неуют, неприкаянность, – только бы
Поскорее отсюда уйти
В новый, нашу грязью не тронутый,
Светлый мир, поманивший чужих, —
За прозревшими путь цицеронами,
За волшебными дудками их...

...но ушли – а за далями серыми,
Навсегда проведенной чертой,
Из отсюда – слепыми Гомерами
Так и видится век золотой,
И – в душе неприкаянной, свыше ли,
Но – звучат, обретают права
Благодарные, странные, лишние,
Уносимые в вечность слова,
И сияют красою невиданной,
Окликаясь по далям времен:
– Византия моя, Атлантида ли,
Затонувший мой град Аваллон...

«И там, где утро, будет вечер...»

И там, где утро, будет вечер;
Изучат мир, как свиток зол,
И небу голос человеческий
Вернет таинственный глагол,
И он взлетит в безмолвный воздух,
Забрав и краски, и тепло,

Смушая птиц, качая звезды...
А здесь – всё будет так, как шло.
И бывший брат окликнет брата,
Не золотые вспомнив сны,
А на единственном понятном,
На звучном языке войны.

Городской сумасшедший (Три зарисовки)

Не дай мне Бог сойти с ума...

Пушкин

1
– Где мы?.. что мы?.. – ведь еще недавно...
Суетный бормочет человек,
И в глазах – безумных, как у фавна, —
Смерть богов, отчаливший ковчег.

...а в моих – обидное бессилье:
Вижу – а дозваться не могу,
Словно мы уплыли – и забыли
Брата на кисельном берегу,
Словно потеряли человека
Где-то там, где будущего нет, —
Только голоса на млечных реках,
Сны по кругу, музыка и свет.
Да и что сказал бы в утешенье?
Кто он мне, бедняга-визави?
Он-то выбыл, а у нас – крушение:
Ни надежд. Ни веры. Ни любви.

– Эх, а ведь недавно...
Вспомнишь с грустью
Словно сон о веке золотом;
Отойдешь от зеркала – отпустит.
Не совсем, – отложит на потом...

2

Понимать?.. завидовать?.. жалеть их?..
Малых сих, чье время вспять пошло?
Бывших братьев, что теперь, как дети,
Не умеют знать добро и зло?

– Не заметить.

Жить в своих заботах.
Круг за кругом (словно карусель)
На конях-ракетах-самолетах
Мчаться на указанную цель,
Сказку опускать до скорбной были;
Былью – исковеркать лик земли...

– Словом, братьев здесь не посрамили.
Тоже – кто нашел с чего – сошли...

3

А быть может, в мире все – как дети?
Вдохновенный детский беспредел?
Только – сын ехидного столетья —
Без любви глядел – не разглядел? —
Не познал их норов голубиный,
Заповедна дум их красота,
Словом, – не откроются глубины,
То есть – не разверзнутся врата?..

...душная Москва. Литое небо.
На скамейке парковой сажу,
Торможу. Кидаю крошки хлеба
Сизому крылатому божу.
Хорошо здесь. Сонно и безлюдно.
Летний день лениво настает,
В небесах торжественно и чудно
Трактором рокошет вертолет,
В теремах – царевны. Спят, отрады.
В здешнем мире – все для них свои,
Им-то и любви твоей не надо;

А тебя – не пустят без любви...

136-му

Вавилонские реки текут по земле моей.
Вавилонской пылью покрыта земля моя.
На ветру звенящем чуть виден в пыли еврей,

Приглядеться – нет, не еврей, почему-то – я.

За спиной моей – гул и грохот, смешки да вой.
Вавилонские боги себе громоздят уют.
Голоса их – ветер. Они говорят со мной:
– Отчего здесь для нас не пляшут? что ж не поют?..

...на осину – арфу. – Здесь, возле мутных вод,
Что я им спою, хозяевам этих дней? —
Разве только то, что нашелся еще народ,
Что бредет по своей земле, как чужой на ней?

Разве так: – меж родных небес и родных могил —
Ничего мне нет, и едва-то хватает сил,
Чтобы помнить все, что – мало, не так – любил,
Не того хотел, не так, не о том – просил,

Разве так: – в пыли, вдали от иных путей —
Мой бездомный голос ищет забытый путь,
Все звучит, зовет: – мы здесь, на земле Твоей;
Мы – Твои, мы – помним, мы есть... и Ты – не забудь...

EXCURSUS

(Отрывки к «Плачу по зверям»)

* * *

Далеко, видать, разошлись пути.
Мы давно уже не одно.
У меня такого и не найти,
Что зверьку целиком дано.
Отчего так вышло? В мозгах изъян?
Всепланетный переворот? —
Словно проклят гением обезьян
Горделивый безумный род,
Словно все закрыты для нас пути,
Лишь одна и есть колея,

По которой спешим от родства уйти
В направленье небытия;
И всегда за нами – лишь кровь и грязь,
И всегда впереди – ни зги;
Мы – враги всему, что помимо нас,
И друг другу тоже враги.
И порой – в конце неладного дня —
Затоскуешь смертной тоской:

«Целый мир, как видно, против меня.
Охреть от чести такой».

* * *

...теперь это – клякса, пятно темноты,
Дыра и пробел...
Вот кто бы додумался слушать кусты? —
И куст прогорел,
Как рай (не хотели, чтоб он – в шалаше),
Как огненный шар
Звезды, раскрывающей небо душе...
Как эта душа.

И та, что давно говорила со мной
В ночи у костра —
Ушла, замолчала и стала иной, —
Не мать, не сестра,
И сам я ничей, как зверек под кустом,
Не брат и не друг,
А так: неизвестный наукам фантом.
Обугленный звук.

...но только – мерцают еще огоньки,
Как детские сны,
Как звезды в задумчивых водах реки,
Во взгляде жены, —
Как будто бы мир удивительный тот
Еще не закрыт,
Где молния огненной веткой цветет,
И гром говорит,

Как будто залог, что вернешься туда, —
Не битый, не злой, —
Где в небе звезду окликает звезда
Над сонной землей,
А жизнь бестолковая, – вдруг да она,
Сгорая дотла, —
Была – хоть кому, хоть зачем-то нужна?..
Зачем-то была...

* * *

К. Кравцову

Многое дано понять поэтам,
Угадать и видеть наперед;
– Отравили гамлета лаэртом?
(Гамлета полоний не берет), —
– Было. – Все уже на свете было:
Серный ливень, поцелуй дотла;
Черпаха резвого эхила
(«Именем зенона!..») догнала,
Ободрали марсия как лоха...
– Всё знакомо. Новость не нова.
Каждый миг, событие, эпоха, —
Для всего придуманы слова.

Только жизнь – всегда из удивлений:
– В тишине, в квартирном полусне,
Бродишь неприкаянно, как гений,
Сверлишь взором штору на стене:
Быть или не быть?.. – ответ записан.
Что за шторой?.. – даже не смешно.
– Ну а все ж: полоний или крыса?..
Отодвинешь —
а за ней – окно;
И в него – вливается прохлада,
Звездная ночная синева,
Росчерк молний над небесным садом;
И – зачем какие-то слова...

Рождественский этюд (de profundo hiemis)

...и стоят над землей вифлеемские крупные звезды; и найдутся волхвы, – отчего же не быть Рождеству?.. Но в России – зима, в это время – снега и морозы, и лишённые крова – к утру отойдут в синеву, и не будет чудес... И волхвы разбредутся понуро от остывшего тела – и сгинут в метельном краю, где замерзшие люди рядятся в звериные шкуры, и продрогшие звери – ногами подходят к жилью... Не бывает чудес!..

Оттого-то и верим,
безоглядно:
– ВОСКРЕС!..

И не надо чудес, – эта вера важней и чудесней,
Это – весть о любви и надежде под зимней звездой:
– Если кто-то воскрес, если верим, – мы тоже воскреснем!..
Мы растаем, как лед, – и родимся живою водой;

И – не поздно любить, и надеяться,
Верить не поздно,
Оседая в снега на дорогах Сумы и Войны,
Потому что – стоят над землей вифлеемские звезды, —
И светлы, и чисты, и для всех Рождеством зажжены...

1986, 2016

В сердце эха Евгения Изварина

Евгения Викторовна Изварина. Родилась в г. Озерске Челябинской области.
Живет в Екатеринбурге. Работает редактором отдела газеты Уральского отделения РАН «Наука Урала». Автор восьми книг стихов, публикаций в российских и зарубежных журналах, антологиях и коллективных сборниках. Лауреат литературной премии им. П.П. Бажова. Член Союза писателей России.

«ВЗДОХНУЛ ЛИ КТО-ТО НИ О ЧЁМ...»

вдохнул ли кто-то ни о чём
и свечка свечку отыскала
за перекошенным плечом

и лёд вода прополоскала
возле запруды ли какой
иссиня-ржавой под мукой
пороши, тронувшей – округу

и свечи благодарности друг другу
за вьюгу
не отражённую рекой

«Разметённому пухом по руслам ветра...»

Разметённому пухом по руслам ветра,
вернувшемуся овечьей пряжей
серебру – на месте человека
человек вспоминается, состоявший
из огромных арок, хрустальных спаек,
один под Богом,
введён подкожно
тонкий лёд...

Сам
в сон
переступает,

а там и не возвращаться можно.

«встанем накрест карнавалу...»

встанем накрест карнавалу

льдом с воды, иглой из пепла
имя Богу подберём

как бороздка по металлу
октября ветхозаветна
свечка перед ноябрём

скачка молний, сном над явью
то скрепляющих, то рвущих
голубые удила

словно души обнимают
рядом временно плывущих
параллельные тела

«обменял – не продал...»

обменял – не продал
всё на ничего

шорохом по водам
человечьего
зрения беремя
дереву темно

исчезать ли время
самое оно

в календарной сетке
заметать следы
собирать по ветке
дерево с воды

«три на а июль чужая дача...»

три на а июль чужая дача

прежде чаще ничего не знача
проще в год по весточке кому-то
обгоняла б ласточка рыбачья
вёсла бросив по теченью будто
прежде не знакомы кто мы где я
проще только золото играя
загребное посвети не грея

агния агата и аглая

«ШКОЛЬНЫМИ РАСКЛЁВАННОЕ МЕЛКАМИ...»

школьными расклёванное мелками
скажешь не имея зачем храним
каждому за взломом сердечных камер
есть простор неискореним

море между смерти степь-таласса
не осталось тайны о чём она
торными протравленными до мяса
колеями рассечена

в обморочном бравшая травостое
за руку за горло кому куда
каждому в киот божество морское
не разлей-вода

«...а погоду к июлю...»

...а погоду к июлю —
семистрельную пулю,
колыбель на болтах
собери хоть какую —
что-нибудь так и так
рушится по ошибке,
говорит – позвони,
собирает пожитки,
норовя – не свои...

«Ливни над колыбелью...»

Ливни над колыбелью,
или венки —
память волны – забвению
в обе руки:

вёсла – среда и пятница,
память гребца —
житница звёзд,
невнятица
в оба конца...

«ЛБОМ И ЛАДОНЯМИ...»

лбом и ладонями
в золото знамени
жизнь – чтобы поняли

меж поездами ли
в общей их барщине
скрытые скорые

жизнь придержащие
Власти искомые

«Что-то движется ходко...»

Что-то движется ходко,
рвёт с груди амулеты...

Случай – фокусник,
тот, кто
ниоткуда букеты
вынимает для каждого,

проходящим не мимо
отвечает: не важно,
что это было...

«шум в сердце...»

шум в сердце
сглаживай
не остави крох

ангелы ли каждый
праздновали вдох
крыльями сшивали
полые шары

сердце за шумами
обух тишины

«ЭХО ВЫДОХА...»

эхо выдоха
шаг назад

у курящих не по погоде
близкородственные глаза
как бы нож по ножу проводит
с черенка и до острия
искр древесная колея
цвета сумаха и ореха

неизведанные края
в центре города
в сердце эха

«не наш, а тоже думает: а ну...»

не наш, а тоже думает: а ну
как дотяну, и мост через войну
во всю длину – ладонь по волосам
и страж моста не замечает сам
как пешехода за руку берёт
и шум воды в ушах стоит, как мёд
всем поровну у сбитых кромок чаш
стоит
не наш

«поиск мест без адреса...»

поиск мест без адреса
выбор вин
по карте кленового листа
золото, бирюза, кармин
геральдические цвета
говорят не о том, чьи небеса

в небесах
но об этом не говорят
Бог собирается как гроза
из промедлений, примет, утрат
улыбнуться накоротке
повернуться на каблуке

как на вокзале без вещей

кленовый лист у него в руке
говорит, подобрал
не знаю
чей

«Царь, к лицу поднёсший мышь...»

Царь, к лицу поднёсший мышь, —
в рай глухонемых
по наречиям домчишь,
на гортанях их
затянув небесный жгут,
васильковый яд...

Странно —
с чем к тебе идут,
в чём тебя винят...

«Только предыстория – не потеря...»

Только предыстория – не потеря.

Только у слепого – звезда во лбу.

Через книги глядя,
закладкам веря —
нужно, не испытывая судьбу,
знать, почём тепло её и прохладца,
ледяного ливня вино-токай
нужно заборматывать,
и метаться,
и найти покой...

и – не упрекай.

«хранимый вывих...»

хранимый вывих
жизнь, казней перемол

где топоры их

все обухами – в пол

все ивы – оземь
повинной головой

из лета – в осень
как из гостей – домой

На гулких торжищах земных... Надежда Кондакова

Кондакова Надежда Васильевна – поэтесса, переводчица, драматург. Родилась в г. Оренбурге. Окончила два курса филологического факультета Саратовского гос. университета и Литературный институт им. А.М. Горького. Заведовала отделом поэзии журнала «Знамя» и журнала «Октябрь». Печатается как поэт с 1966 г., в центральных литературных журналах – с 1968 г.

Автор 12 книг, изданных в основном в Москве. В 2018 г. в Оренбурге вышло избранное поэта – «Книга любви». Стихи переводились на английский, немецкий, шведский, финский, венгерский, польский, румынский, сербский, украинский, болгарский языки; публиковались в антологиях поэзии, выходявших в Венгрии, США, Швеции, Финляндии. Автор более 10 книг переводов с языков народов СССР, переводила также американских, финских, польских поэтов. За переводы и популяризацию болгарской поэзии награждена грамотой и медалью Министерства культуры Республики Болгария (2008). В соавторстве с мужем В.В. Чепкуновым составила и издала «Пушкинский календарь» (М. Тольятти, 1999). Член СП СССР (с 1977).

Член Союза писателей Москвы и «Союза писателей России». Лауреат многих премий, в том числе – государственной Премии Москвы в области литературы и искусства (2011). Живет и работает в Переделкино.

...Она естественная часть народного потока, и в силу вот своего дарования, которое ей подсказало ту естественную мелодию, тот ритм, те слова, она часть нашего языка, языка современного и одновременно исторического, и, может быть, частично архаического. И она превратила это в лирику, естественную, сильную, душевную лирику.

Евгений Рейн, русский поэт, прозаик

Надежда Кондакова поэт совершенно особенный, не похожий ни на кого другого, ни на предыдущих поэтов, ни на своих современников, но настоящий Божьей Милостью Поэт. О чем она пишет – совершенно безразлично. Важно ее поэтическое восприятие и поэтическое выражение мира. Диапазон ее творчества громадный. Содержание ее поэзии глубоко, богато и разнообразно. Поэзия есть молитва, это ни к кому так не применимо, как к Кондаковой, и молитвенность сказывается у нее не только в стихах религиозных, но и в стихах, чуждых религиозным мотивам. К поэзии Кондаковой можно применить слова Жуковского «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли».

Ренэ Герра, д-р. фил. наук Парижского университета

Это 3-я публикация стихотворений Надежды Кондаковой в «Плавучем мосте» и 1-я (по моей просьбе) – в качестве одного из его редакторов. Кажется, в наше не спокойное время поэзия осталась «на задворках», мало востребована. Почему же к стихам Надежды Кондаковой читатель идет, ждет её стихи? В чём притягательная сила творчества этого замечательного поэта? Думаю, одна из причин – способность вовлечь читателя в действие описываемого, делать его своим собеседником. Одного доверительного тона здесь мало. Когда читаешь её стихи, обнаруживаешь невероятную их привязанность к «месту событий». Я бы назвал это присутствием памяти. Читатель верит ей, сопереживает вместе с ней. Её пером никогда не движет гнев и ненависть. Но всегда – любовь и стремление к примирению. Примирению даже с противниками её любви.

Виталий Штемпель, поэт, редактор

«В овечьей одежке, в заморской дублёрше...»

В овечьей одежке, в заморской дублёрше
и в волчьей шкуре
была ты когда-то надежной дублёршей
отчаянной дури.
О молодость, молодость, как же нелепы
твои балаганы,
как слепы твои ненадёжные скрепы,
пустые карманы.
Как глупо прощалась с любимым дитятей
своим нерожденным...
О молодость, молодость, тыщу проклятий
постыдным знамёнам!
В совет нечестивых ходила? Ходила!
Лукавым – внимала.
Скажи мне теперь, под завязку хватило,
иль все еще мало?
Откуда полова неверья, оттуда
тупая двужилость.
Обмякла полова, исчезла полуда —
порода сложилась.
О молодость, молодость, дыры латая,
я ставлю заплаты.

... Но что без тебя я, моя золотая,
и что без меня ты!

«Сыграй мне, скрипач ненаглядный...»

Памяти Б.П.

Сыграй мне, скрипач ненаглядный,
такую музыку сыграй,
чтоб сердце, как голубь опрятный,
рвануло за радостью в Рай.

Чтоб всплыли большие светила
на небе тревожного дня
и музыки этой хватило
не только уже для меня.

Чтоб мой ненаглядный, мой бывший,
смущенно не пряча лица,
прощенный стоял и простивший

пред музыкой Бога Отца.

«Уйдут последние свидетели...»

Уйдут последние свидетели
эпохи серой Москвошвеей
и слушатели и глядетели,
и пониматели идеи.

Уйдем и мы, не зная лучшего,
ученики, в пример иным,
но не Леонтьева и Тютчева,
а Кожинова с Бахтиным.

Из рук вторых и третьих подано,
но не бессмыслица и жмых,
а все, что предано и продано
на гулких торжищах земных.

Девяностые

«Вагоны или привычной линией..»

А. Блок

Исчезли – желтые и синие.
В зеленых плакали и пели
продрогшие, невыносимые
простонародные свирели.

И флейты провожали жаляще
челночные, душе угодные
одежды из турецких залежей
в те девяностые, свободные.

Одни намылились отваливать,
а ты пытался в это встроиться.
И я еще могла отмаливать
тебя у Господа на Троицу.

И я еще могла надеяться
в Егорьевске у храма Божия,
что мной посаженное деревце
тобою будет обихожено.

Свобода была неуверенно

кому – под дых, а многим – мимо.
Но музыка была потеряна,
осталась только пантомима.

В августе – февральская погода

Недострой эпохи перестроя.
Мы ли столь в строительствах сильны,
что горят огнем они, как Троя,
на виду у обмершей страны.

В августе – февральская погода,
не развидеть в будущем ни зги.
Господи, спаси у перехода!
Всецарица, плакать помоги!

То отчасти плачуши от счастья,
То прося у жизни передых,
на сносях беременная Настя
молит соименников святых.

Просит о великом разрешеньи
для себя, как будто для страны —
о прощеньи, о неразрушеньи,
о противоядии войны.

Но у войн, незванской и нежданской
тыщи невостребованных чад.
Как везде и присно на Гражданской,
победитель будет без пощад.

Потому и Фрося не в вопросе,
и у Веры веры больше нет.
И Фавор не явит нам в Форосе
умопомрачительный билет.

И не вспомнит Ваня на диване
как стоял осмнадцатым в ряду
дед его – матрос на заднем плане,
на японском жутком холоду,

как «Варяг» их погружался рядом,
и дрожал в оторванной руке
мичмана, растертого снарядом,
дальномер, зажатый в кулаке.

Так у молодого недостроя

начался всемирный перестрой.
И горел огнем он, словно Троя,
словно тыща покоренных Трой.

...В августе февральская погода —
не развидеть в будущем ни зги.
Господи, прими их всех у входа,
Всецарица, плакать помоги!

Чтобы люд, измотанный строеньем,
нестроеньем балок и стропил,
водку пил и пел под настроенье
но слепую родину любил.

И не веря массовости куцей,
не беря партийности в пример,
знал: у двух бескровных революций
одинаков жуткий глазомер.

В Лазареву субботу

Дед лежал в вышиванке на узких нарах.
И откуда-то с невидимой высоты
его мучителям обещалась кара,
а на него сыпались живые цветы.

И об этом горе пела мобила,
то Бах, то Моцарт сиял во мгле,
и в этих цветах утопала могила,
могила, которой нет на земле.

И когда в Украине или на Украине
зашевелились живые гробы,
дед восстал, и в человеческой пустыне
не было более русской судьбы.

Музей

Отец ее был генерал большого полета,
знал Сталина, к Хрущову был вхожим в дом.
То ли броню он изобрел,
то ли фюзеляж самолета —
теперь уже вспомню с трудом.

А еще у них была маленькая квартира —

всего 140 метров – на четверых:
четыре комнаты и два сортира;
на полках – три золотых потира
и много-много церковных книг.

Когда отец умер, она так рыдала,
на Новодевичьем... А потом
отвезла свою бабушку – мать генерала,
то ли в дом престарелых,
то ли просто в дурдом.

С тех пор я у них никогда не бывала.
Она писала об отце книги, снимала кино,
перед пионерами выступала.
И в комнате, где бабушка проживала,
Музей генерала живет давно.

«Жену поэта хоронили пышно...»

Жену поэта хоронили пышно...
Он был поэт известный и главред.
Она ушла внезапно и неслышно,
и запил вновь непьющий вновь поэт.

Она лежала в ритуальном зале.
Был полон зал, и сразу не понять,
зачем столпились, словно на вокзале,
зачем спешили все его обнять, —

кто из машины – с палочкой, кто пёхом,
кто с кучей роз, кто с парочкой гвоздик.
Казалось, что прощаются с эпохой,
а он, эпоха, был суров и дик,

сидел у гроба, никого не видя,
хотелось выпить, и болел живот,
и ныло сердце пьяное в обиде,
что вряд ли он ее переживет.

Его везли по кладбищу на «скорой»,
поэта и героя соцтруда,
военную эпоху, от которой
еще чуть-чуть – не станет и следа.

Он месяц пил, потом лечился месяц.
Средь фолиантов и великих книг
он жить решил, от мира занавесясь,

как довоенный мальчик, как двойник.

А умер скоро, на восьмой неделе.
Жара стояла, белый пух летел.
И шли старухи к гробу еле-еле,
ифлийские старухи – в ЦДЛ.

Его народу хоронило мало —
шесть-семь поэтов, дальняя родня.
И дочь от брака первого стояла,
и улыбнулась, увидав меня.

Он был дитя, герой большого века,
и нет вины – и в том его вина.
...Осиротела лишь библиотека,
а год спустя исчезла и она.

За что?

Она кричала «за что?» «зачем?!
теперь, когда денег хренова туча?!»
...Рванулась в Оптину, в Вифлеем,
рыдала в голос, и даже круче —

звонила в ужасе всем врагам,
просила смиренно себе прощенья,
чтоб корпус раковый пал к ногам
в метампсихозовом превращеньи.

И вновь кричала врачу «За что?!»,
совала доллары в два кармана.
...А солнце сыпало в решето
простое золото Инкермана.

И там, под золотом ЮБК,
над жизнью шаткой, смурной, короткой
пил то запоями, то слегка
муж нелюбимый в печали кроткой.
Она кричала ему «Вернись!»,
она грозила небесной карой,
потом в рыданьях швыряла вниз
мобильник «Vertu» на даче старой.

И не поехала хоронить,
и обезножила в две недели.
У парки злой вырывая нить,
концы пыталась соединить

над жизни дышащей еле-еле.

...На старом кладбище раз уж сто
необъяснимо и потрясенно
я вспоминаю то время оно.
И неизменно одна ворона
скрипит устало: «За что?» «За что?»

«Она стояла на седьмом этаже...»

Она стояла на седьмом этаже
у распахнутого окна.
И, как рассыпанное драже,
была ее дрожь видна.

Она проглатывала нембутал
и запивала вином.
И лист сиреневый трепетал
в неверном огне ночном.

Она дышала в трубку всю ночь,
ни слова не говоря...
И ангел силился ей помочь
в преддверии октября.

А на рассвете спросила, где ты,
а я не знала – где ты.
Но вдруг завяли твои цветы,
предвестники немоты.

Она сказала мне: Сорок лет
веду с тобой этот бой...
А я отправила время вспять,
ответила: Сорок пять...

Она вздохнула: Ну все... и вот
победа твоя близка,
уже снотворное не берет
с полфляжкой коньяка.

...И вдруг на меня из ее окна
надвинулась глубина.
И стала жалость моя нежна,
отчаяния полна.

Я так любила тебя в ту ночь
неслышно, издалека,

пока меня уносила прочь
невидимая рука,
и нерожденную нашу дочь
баюкали облака.

... Тех лет и бед провалился след.
Но, ветреницы судьбы,
слепые мойры идут на свет
из интернеттолпы.
И мне приносят такую весть,
ну просто ни встать, ни сесть.

Мол, генерал, боевая статья,
нарисовал свой дом,
чтобы без памяти выживать.
И научился в нем вышивать
гладью или крестом.

Облепиха

Облепиха облепила, облепила, оплела.
Если ты его любила, почему не умерла —
от отчаянья, от зная,
сердце взявшего в тиски,
от его ко мне желанья
и моей к нему – тоски!
Облепиха, облепиха, ты колючая, как тать,
ты зачем будила лихо – если с ним не совладать?
Ты зачем его пленила,
увела в глухую муть,
ты зачем его сроднила,
несродненного ничуть?!
И с тех пор на переправе, у прохожих на виду,
берег левый – твой, а правый – тот, где я сейчас иду!
Я иду и сушит слезы
ветер едкий, словно дым.
И от этой жалкой прозы
невозможно всем троим.

«Дует ветер форштадский...»

Дует ветер форштадский,
задевает крылом
то военный, то штатский
облик где-то в былом.

Мы с тобой часовые
друг у друга в судьбе,
что дала чаевые,
то ли мне, то ль тебе.
Горстка мелочи, пепла
от бывшего огня,
чтобы память ослепла
вплоть до этого дня.
До Урала, что мелок,
до суда, что глубок,
где остался от сделок
лживой парки клубок.
Там не тень – Деифоба,
что водила в Аид,
у знакомого гроба
в школьной форме стоит.

«Я – птица Феникс...»

Я – птица Феникс,
женское начало, как говорят в Китае,
как сказал
мне не китаец, а Олег Чухонцев.
Я в третий раз – из пекла да из пепла,
я в пятый раз – сухая из воды,
от горя глохла, от рыданий слепла,
с ума сходила из-за ерунды.

Потом пошли уже иные гости —
отчаянье, безумие и страх.
Поэт искал людей, чтоб делать гвозди? —
Так вот же я! —
Сжигайте на кострах,
топите в море, сдайте в переплавку —
не страшно мне, я все уже прошла.
Я схоронила сына, я удавку
у мужа с горла мертвого сняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.